

ЖК «НИКИТА»
Пьеса в двух действиях

Действующие лица

ТАРАС НИКИТОВИЧ — человек предпенсионного возраста.
ПОМОЩНИК — мужчина 37 лет со стрижкой, как у Тараса Никитовича.
ШВЕЙЦАР — сверстник Тараса Никитовича.
БАРМЕН — едва совершеннолетний парень с серьгой в ухе.
АРКАДИЙ — мужчина 37 лет.
МАРИЯ — 28-летняя жена Тараса Никитовича.
НИКА — 9-летняя дочь Тараса Никитовича и Марии.
СЕЛИВАНОВ — 25-летний непропорционально худой и высокий парень.
ЧУБ — сверстник Тараса Никитовича.
ГУБЕРНАТОР — 44-летний человек.
ЕВА — девушка без возраста.
ИРМА — девушка 23 лет.
ЮЛИЯ — 11-классница.
ЮРИСТ — 35-летний мужчина.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Каюта яхты представительского класса. Кожаный диван. Бар с элитными напитками. Стеклянный столик на кованных золотых ножках. Кондиционер. Дорогие напольные лампы. Пушистый светлый чистый, как новый, ковер. Картина современного художника, подобранная не по сюжету, а под обои. То, что это каюта яхты, а не комната в небоскребе заметно только по окнам-иллюминаторам. В них — размеренное движение воды, далекий хаотично без вкуса застроенный провинциальный город. Спиной к нему расслабленно сидит на диване, занимая большую его часть не из-за полноты, а из-за позы, ТАРАС НИКИТОВИЧ, у валика держа спину с блокнотом на коленях — АРКАДИЙ. Молодой БАРМЕН за стойкой в смокинге, выпрямившийся, как солдат, его сверстник, у вечного огня. Несет службу. Не поворачивает головы к говорящим, слушает безучастно.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Не будем упускать из зрения выборы. Но тут работа ваша. Я хочу помечтать. Налейте моему оратору!

БАРМЕН наливает АРКАДИЮ.

АРКАДИЙ: Что же, если мечтать — пить?

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Мне — нет. Вам — да (ждет, пока Аркадию нальют). Кеша, представь: там, где сейчас фармацевтический завод, его тут видно, с крышей зеленой, там — Мой центр. Гостиница, боулинг, баня, ресторан, бильярд, ночной клуб... 5 этажей. А за ним — элитный жилой комплекс, по моим расчетам, квартир на 800. Может, 1000. Ты чего смурной...

АРКАДИЙ: Я не люблю, когда меня зовут Кешей. Я Аркадий. (Увидев реакцию Тараса Никитовича). Аркаша.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Ты мой попугай. И все! Пей и мечтай! Долейте ему. Я не могу придумать название... Думай, Кеша. Как лодку назовешь, так она и поплывет.

АРКАДИЙ: А как, кстати, называется эта яхта?...

ТАРАС НИКИТОВИЧ: «Тарас Бульба»

АРКАДИЙ (встрепенувшись): Вы любите Гоголя?

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Я люблю свое имя. Меня Батя назвал. Но Гоголя читал. Ты меня не заговаривай. Как назвать комплекс?

АРКАДИЙ: Я так думать не могу.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Ты не думай, а мечтай. Мечтай со мной.

АРКАДИЙ: У меня мечты другие. Но комплекс можно тоже назвать «Тарас Бульба». Он как раз в трех остановках на маршрутке от проспекта Гоголя. И вовремя — Год литературы в стране.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Знаешь, Кеша, ты лодырь. Был у меня в жизни человек, который, когда напивался, мечтал. Вот это был настоящий человек.

АРКАДИЙ: Вы с ним не пили, а он с вами пил?

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Я маленький был.

АРКАДИЙ: А где он сейчас?

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Умер. Ну, какие у тебя мечты, попугай?

АРКАДИЙ: Нематериальные.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Кеша, ты дурак. Чтобы тебя Аркадием звали, нужно соображать лучше, в людях понимать, в их желаниях. (После паузы) Ладно, ты для этой работы не годен. Помечтаю сам. Давай про выборы.

АРКАДИЙ: Давайте (с готовностью открывает блокнот). В программе надо пообещать льготы горожанам, живущим около вредных заводов.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Снесем мы эти вредные заводы. Дома же лучше, чем вредные заводы?

АРКАДИЙ (неуверенно кивнув): Ремонты жилых домов старого фонда, новый городской транспорт, субсидии...

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Говорят, что я алчный. Но а народ какой? Всем только ремонты, транспорты, деньги... Обещай, что хочешь, Кеша. Что им надо, то и обещай.

АРКАДИЙ: Тарас Никитович, ну, вы прочтете, поправите?

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Прочту! Знаешь почему?

АРКАДИЙ: Потому что любите Гоголя?

ТАРАС: Ага, потому что я ревизор. Потому что, блядь, никто ничего не может. И все надо проверять. Даже базар. Ладно бы я тебе сказал: «Сделай», — и ты не справился. А я тебе говорю: «Пообещай». И то накосячишь. Вот посмотришь, так и будет.

АРКАДИЙ: Вы за такое наказываете людей. А я дорожу тем, что у меня есть, Тарас Никитович.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Если б я за все наказывал, город бы наш опустел. Но бармена сменил.

АРКАДИЙ: Будем стараться остаться. Кубы у остановок делаем?

ТАРАС НИКИТОВИЧ кивает.

АРКАДИЙ: Расклейку?

ТАРАС НИКИТОВИЧ кивает.

АРКАДИЙ: У нас есть ограничения по бюджету?

ТАРАС НИКИТОВИЧ: У нас ограничение по результату. Я должен стать мэром. Слушай, Аркаша, давай так, я договорюсь сверху, ты договорись с прессой. Низ подожметя.

АРКАДИЙ: Про прессу... нам нужно понять, как вас позиционировать. Вот, Обама говорил: «Такой же чернокожий, как и вы».

ТАРАС НИКИТОВИЧ: А я не такой же.

АРКАДИЙ: Ну, это понятно, Обама тоже непрост. Но нужно что-то такое, чтобы люди почувствовали близость с вами... Расскажите о себе (приготовившись записывать).

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Кеша, я-то расскажу. Но не поверят. Поэтому будем, как Ройзман, молча.

АРКАДИЙ: У Ройзмана — репутация. А про вас могут в соц.сетях пойти негативные посты. СМИ побоятся. А твиттер, вконтакте, фейсбук... там все бесстрашные.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Бесстрашных нет. Там пишут ненаказанные. Просто заткни всех там.

АРКАДИЙ: Это невозможно, это мнения.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: А меня не волнуют мнения. Мне нужна победа.

АРКАДИЙ: Победа — хорошее название. А может, назовете жилищный фонд «Победой»?

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Не назову. Победа, Кеша, это не дома.

ТАРАС НИКИТОВИЧ в приоткрытую на палубу дверь подает знак. Заходит ШВЕЙЦАР в форме, как у бармена, уводит АРКАДИЯ.

ШВЕЙЦАР (наскучившей ему скороговоркой): Время приема кончилось.

АРКАДИЙ выходит за ШВЕЙЦАРОМ. Тот, его выставив, заходит обратно в каюту.

АРКАДИЙ закуривает, свесившись с перил к воде.

ПОМОЩНИК (появившись из ниоткуда): Курить на яхте нельзя.

АРКАДИЙ: Он мне сказал, что убил человека. Какого-то пьющего человека. Они мечтали, общались, а потом тот умер.

ШВЕЙЦАР: У Тараса Никитовича люди своей смертью не умирают. Это даже Вася знает, а он тут два дня.

ПОМОЩНИК: Не прикидывайся. Туши.

АРКАДИЙ (встрепенувшись): Вася?

ПОМОЩНИК: Бармен. Пацаненок еще.

АРКАДИЙ: Я не думал, что за разговоры... Я бы говорить с ним не стал, если бы знал, что и за разговоры...

ПОМОЩНИК: Потуши, а то за курение грохну.

АРКАДИЙ тушит, не знает, можно ли бросить в море, кладет окурок растерянно в карман брюк. ПОМОЩНИК наблюдает за его действиями молча, одобрительно.

ШВЕЙЦАР: Думаешь, выиграет?

АРКАДИЙ: Выиграет-выиграет.

ШВЕЙЦАР: А ты напиши ему все плохо, чтобы не выиграл.

АРКАДИЙ: Это моя работа — писать хорошо.

ШВЕЙЦАР: А что, у всех только своя работа есть, общей нет? Гадов свергать — не общая работа?

АРКАДИЙ: Тише говори. Тебе что, плохо? Выиграет — зарплату поднимет.

ПОМОЩНИК: Не поднимет. Он не поднимет.

АРКАДИЙ: За преданность поднимет.

ШВЕЙЦАР: Преданность — не наша работа. (АРКАДИЮ): за тобой лодка, спускайся.

ПОМОЩНИК: Я провожу. Дело есть в городе.

ПОМОЩНИК идет за АРКАДИЕМ. АРКАДИЙ за ШВЕЙЦАРОМ.

Мимо них проходят в мокрых купальниках МАРИЯ и НИҚА. ШВЕЙЦАР и ПОМОЩНИК здороваются. В ответ — равнодушие. ШВЕЙЦАР открывает дверь жене хозяина яхты в каюту.

МАРИЯ (БАРМЕНУ, ложась на диван в мокрой одежде с мокрыми неподколатыми волосами): Новенький? Умеешь делать кровавую Мэри.

БАРМЕН (Кивая, начиная приготовление напитка): Я Василий.

МАРИЯ: На этой яхте все умеют делать кровавую Мэри.

БАРМЕН (улыбаясь девочке): Как вас зовут юная леди? Что желаете?

НИКА: Ника. Я хочу колу.

МАРИЯ: Никакой газировки!

БАРМЕН: О, папина победа?

НИКА: Я мамина победа.

МАРИЯ (отпивая поданный коктейль): Ладно, плесните ей колы.

НИКА вьется вокруг бара, получает вожденный стакан. Прыгает рядом с матерью на диван. Пьет, в той же позе, что та, опираясь на локоть, устало.

НИКА: Ма, а почему у тебя пупок пуговкой, а у меня дыркой?

МАРИЯ: Твой отец бы им хуй завязал в узел, если бы они тебе плохо пупок завязали.

НИКА: Он меня так любит

МАРИЯ: Никого он не любит. Просто хочет, чтобы все было по его.

НИКА: А дедушка не хочет?

МАРИЯ: А дедушка — слабак. Я, когда была маленькой... у меня ничего этого не было. Что у тебя есть.

НИКА: Но теперь-то есть. У тебя такие красивые сережки!

МАРИЯ: Теперь и твой отец есть. Вот, ты сможешь выбирать.

НИКА: У тебя и кольцо красивое.

МАРИЯ: Я его только поэтому и ношу.

ТАРАС НИКИТОВИЧ (выходя из двери в другие каюты): Маша, уйди.

МАРИЯ (испуганно): Ты никогда, что ли, к морю не выходишь?

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Я вижу цель из окна-иллюминатора. Это у тебя целей нет, и Нику занять не можешь. Пойдите, поплавайте!

НИКА: Плавают тоже в мо-о-оре.

МАРИЯ: Мы уже плавали сегодня. И на спине, и брассом (ставя стакан БАРМЕНУ, жестом указывая налить еще).

БАРМЕН смотрит на ТАРАСА НИКИТОВИЧА. ТАРАС НИКИТОВИЧ строг. БАРМЕН оставляет стакан пустым.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Вы уже плавали... Я уже тоже один раз сказал. И второй раз повторять не буду. Уйди, Маша. Ко мне люди едут на разговор.

МАРИЯ (БАРМЕНУ): Плесни, и я пойду. Тут погода плохая.

НИКА (подбегая к иллюминатору): А там солнышко.

ТАРАС НИКИТОВИЧ (опускаясь рядом с дочерью): Там — город твоего папы, принцесса. Видишь зеленую крышу? Там скоро будет красиво. Будут высокие здания, яркие фасады...

БАРМЕН неуверенно наливает МАРИИ водки.

НИКА: Мне нравится зеленая крыша.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Вася, стакан за хозяйкой вымой.

БАРМЕН забирает еще полный стакан со стойки. МАРИЯ выходит из каюты на палубу, не оглядываясь.

ТАРАС НИКИТОВИЧ нежно подталкивает за ней НИКУ. Садится на диван. Ждет недвижимо. С палубы доносится детский голос, гам.

ШВЕЙЦАР впускает в каюту ПОМОЩНИКА.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Сколько?

ПОМОЩНИК присаживается.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Ты зачем присаживаешься? Называй цифру, а потом отдыхай.

ПОМОЩНИК (тихо): Не говорит он цифры.

ТАРАС НИКИТОВИЧ подает знак ШВЕЙЦАРУ выйти.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Пить будешь?

ПОМОЩНИК неуверенно мотает головой.

ТАРАС НИКИТОВИЧ показывая пальцем в БАРМЕНА: Налей и на выход.

БАРМЕН спрашивает про предпочтительный напиток.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Лей, что крепче!

БАРМЕН подает коньяк. Выходит почти на бегу.

ТАРАС НИКИТОВИЧ (выждав, пока ПОМОЩНИК выпьет, а остальные далеко отойдут от дверей): Рассказывай.

ПОМОЩНИК: Ему этот завод дорог. Я не понял почему.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Он его частный?

ПОМОЩНИК: Нееет, муниципальный.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Ты про деньги сказал?

ПОМОЩНИК: Обижаете, я все сказал.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Ему мало что ли или что? Я человек щедрый, договоримся.

ПОМОЩНИК: Он мне говорит, что завод важный. Что его ни за что сносить нельзя. Там много людей работает.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Люди могут и в боулинге работать, и в моем ресторане. Пусть не выдумывает. Безработицы не допустим, я же буду мэр. Кеша мне программу пишет — там безработицы не обещают. Обещают рабочие места, и зарплаты, и субсидии — деньги-деньги-деньги.

ПОМОЩНИК: И они лекарства делают какие-то важные.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Это он сказал?

ПОМОЩНИК: Ага.

ТАРАС НИКИТОВИЧ (не слушая): Все болезни от стресса. Он бы не выкабенивался, а то ему и капельница не поможет.

ПОМОЩНИК: Тарас Никитович, я намекнул... аккуратно.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Так, ладно, начнем сначала. Нахера ему завод? Он там по-черному цифры делает? Конечно лучше каждый месяц бабло, чем один откат. Но мы можем обсудить, договориться. Пусть честнее будет, говорит как есть.

ПОМОЩНИК: По документам нет. Я и так... узнавал, вообще, вроде нет... Ну, или очень он скрытный, никто не знает.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: И Воронько не знает?

ПОМОЩНИК: Говорит, что чисто.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Так ему просто директором быть нравится? Скажи, что я его директором бильярда назначу или даже, может, бани, если честный такой. А вообще, знаешь, вези его сюда. Сам управлюсь. Ты мне кто?

ПОМОЩНИК: Я ваш помощник.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: А почему помогаю тебе я? Кормлю, коньяком пою, одеваю?

ПОМОЩНИК: Я ваша правая рука.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Я левша, а ты не помощник. Вези Кешу и директора.

ПОМОЩНИК: Кешу?

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Аркадия. Для бедных он Аркадий.

ПОМОЩНИК выходит.

ШВЕЙЦАР (открывая помощнику дверь с обратной стороны): ...смотри, как бы он правую руку не сломал.

ТАРАС НИКИТОВИЧ остается в каюте один. Ходит. Напевает под нос, слов не разобрать. Останавливается у иллюминатора. Опять ходит. Садится на диван, недвижим.

Через некоторое время ШВЕЙЦАР впускает в комнату АРКАДИЯ.

АРКАДИЙ: Тарас Никитович, я тружусь. Скоро текст покажу, не волнуйтесь. Я в ревизоре не нуждаюсь. Все сам.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Я подумал, что-нибудь про детей пообещай. Вон, Нике ничего неинтересно. А они — будущее. Это ж волнует людей, родителей.

АРКАДИЙ: Объемная у нас программа выйдет, у нас и так много важного. И про детей есть: покрасить площадки во дворах, качели восстановить.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Да, не про это я, ну, нельзя же всю компанию вокруг рубля крутить. Есть святое — дети, старики, инвалиды...

ТАРАС НИКИТОВИЧ (высовывает голову из каюты): Где бармен?

БАРМЕН быстро занимает рабочее место. Наливает гостю выпивку.

АРКАДИЙ: Инвалидам обещаем пандусы, пенсионерам будут по программе льготы, детям — качели. Вас и так выберут Тарас Никитович. Зачем брать лишние обязательства?

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Кеша, а если я сделаю? Не пообещая, а сделаю?

АРКАДИЙ: Хорошо будет... Но это нескоро. Выборы через три месяца.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: А что сделать-то? Что им нужно этим детям, что моей Нике нужно?

АРКАДИЙ: Надо у нее спросить... она девочка очень милая.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Не любитель я трепа. Ладно, качели, так качели.

АРКАДИЙ: А вам что в ее возрасте было интересно?

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Выжить, Кеша. Мне покрашенные детские площадки даже не обещали.

АРКАДИЙ: А сейчас? Она же ваша кровь, может, у вас могут быть общие увлечения?

ШВЕЙЦАР приводит в каюту ПОМОЩНИКА.

ТАРАС НИКИТОВИЧ (ПОМОЩНИКУ): Когда будет?

ПОМОЩНИК: Отказался.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Объясните ему.

ПОМОЩНИК: Объяснили. Хорошо объяснили. Если гора не идет к Магомету...

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Я гора. Встретьте его на пристани, на лодке его сюда...

АРКАДИЙ: Вы — плавучий остров, Тарас Никитович.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: А, знаете, что? Он сюда не хочет? Говорить со мной не хочет? Договариваться, так сказать? А решите вопрос по-старому.

ПОМОЩНИК: У него сын в первый класс завтра идет. Может, выждем?

ТАРАС НИКИТОВИЧ: У всех есть папа.

ПОМОЩНИК: У него не папа, у него маленький сын.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Все теряют отцов.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Просто уберите.

БАРМЕН (убирая Аркашины пустые стаканы из-под выпивки): Сейчас, секунду.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Уберите этого Магомета.

ПОМОЩНИК выходит.

АРКАДИЙ: Это шутка? Это иронично.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Шучу я пока только с тобой, Кеша. Руки не доходят поговорить серьезно.

АРКАДИЙ: Я, по-моему, телефон на палубе забыл... (выходя за помощником).

АРКАДИЙ (на палубе ПОМОЩНИКУ): Уберите — это увольте? Или вы, правда, собираетесь человека убить?

ПОМОЩНИК: А что, ты хочешь?

АРКАДИЙ: Он сейчас говорил про перемены, действия какие-то положительные... Он одумается. Не спешите.

ШВЕЙЦАР: А что ж ты их в программу не вписал? Не поверил в его положительные действия?

АРКАДИЙ: Лень переписывать... Я уже почти все написал. Техническое задание менять по ходу работы невежливо. Вот, я мягко и отказал.

ПОМОЩНИК: А я не хочу отказываться от своего шанса.

ШВЕЙЦАР: Какого шанса? Шестерить?

ПОМОЩНИК: Это я сегодня шестерка, а завтра перевернется все и буду девятка. А ты — нуль. Будешь мне двери открывать.

ШВЕЙЦАР: А мне все равно, молодой человек, мне до пенсии дотянуть.

ПОМОЩНИК: Вот, отгрохает Тарас Никитович свой Диснейленд...

ШВЕЙЦАР: И я переведусь в обычную гостиницу. Я тут набоялся уже. В городе нет работы.

АРКАДИЙ: А на завод не хотите? В черте города. Три остановки от Гоголевского бульвара.

ШВЕЙЦАР: Хочу в сферу услуг.

ПОМОЩНИК: Ничего вы не можете... Тарас Никитович — ваше спасение. молитесь на него.

ШВЕЙЦАР: Если мы не можем убивать, это не значит, что мы не можем ничего.

ПОМОЩНИК: Иди на завод! Там убивать не надо.

АРКАДИЙ: Там надо убиваться. Небольшой выбор вы и Тарас Никитович нам оставляете.

ПОМОЩНИК: Кеша, ты только говоришь.

ШВЕЙЦАР: Ты не коси под хозяина. Общайся уважительно.

ПОМОЩНИК: Я не кошу, я у Тараса Никитовича учусь.

ШВЕЙЦАР: Учиться у Пушкина надо, молодой человек...

ПОМОЩНИК: И чему он тебя научил? Быть лакеем?

АРКАДИЙ: В точку! У каждого поэта есть царь. Пушкин писал для Николая Второго, а я для Тараса Никитовича.

ПОМОЩНИК: Ты не Пушкин, ты Кеша. Переписать программку не можешь.

ШВЕЙЦАР: Поэты пишут для народа....

АРКАДИЙ: Ой, да ладно вам! Кто в народе что понимает? Они не-об-ра-зо-ван-ные.

ШВЕЙЦАР: А Тарас Никитович образованный? У меня знаний больше, чем у него. Он же, вот как он (смотря на ПОМОЩНИКА), Пушкина в школе последний раз читал.

ПОМОЩНИК: Если все вокруг — его, значит, не дурак.

АРКАДИЙ (закуривая): Я одного не могу понять: ты едешь убивать человека, а мы говорим о Пушкине.

ПОМОЩНИК: Затуши и замолчи.

ПОМОЩНИК уходит.

АРКАДИЙ (отбрасывая сигарету в море): Все сходится... Пушкин вечен. О нем надо думать, помнить...

ШВЕЙЦАР: Редет облаков летучая гряда.
Звезда печальная, вечерняя звезда!
Твой луч осеребрил увядшие равнины,
И дремлющий залив, и черных скал вершины.
Люблю твой слабый свет в небесной вышине;
Он думы разбудил, уснувшие во мне:
Я помню твой восход, знакомое светило,
Над мирною страной, где все для сердца мило,
Где стройны тополы в долинах вознеслись,
Где дремлет нежный мирт и темный кипарис,
И сладостно шумят полуденные волны.

АРКАДИЙ: Сильный финал у стиха.

ШВЕЙЦАР: Да, но я его подзабыл... Там что-то про любовь.

АРКАДИЙ: Про любовь легко вылетает из головы. Да, и не к месту. Про звезду хорошо, про волны. (После паузы) Жаль, что курить нельзя.

ШВЕЙЦАР: Курить — на своей яхте.

Стоят. Мимо проходит МАРИЯ. ШВЕЙЦАР открывает ей дверь каюты.

МАРИЯ: Налей, пока не видят...

БАРМЕН (наливая): Волнуетесь?

МАРИЯ: А почему я должна волноваться?

БАРМЕН: Ну, у Тараса Никитовича осложнения вроде как...

МАРИЯ: Осложнения у тех, кто его осложнения (смеется глупо). Пиф-паф, ой-йо-йой.

БАРМЕН: Он, мне показалось, волнуется.

МАРИЯ: Без разницы. И так орать будет, и так орать будет. (После паузы). Ну, ты же новенький. Не привык еще. Хозяин яхты у нас — человек творческий. Что не по его — орет. А по его — поет.

БАРМЕН: Тарас Никитович петь умеет?

МАРИЯ: А я и не слушаю.

МАРИЯ пьет. БАРМЕН молчит. ШВЕЙЦАР впускает в каюту ТАРАСА НИКИТОВИЧА и АРКАДИЯ.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Маша, Ника спит?

МАРИЯ: Спит.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Значит, и тебе спать пора.

МАРИЯ: А шуметь не будете?

ТАРАС НИКИТОВИЧ: А тебе места на яхте не хватает? Мы что, через стенку сидим?

МАРИЯ (уходя): Да, от тебя и за бортом не спасешься.

Влетает в каюту ПОМОЩНИК.

ПОМОЩНИК: Решено. Я убрал, Тарас Никитович, я убрал.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Ну, с миром (подавая знак БАРМЕНУ, чтобы тот угостил ПОМОЩНИКА).

БАРМЕН наливает ПОМОЩНИКУ.

ТАРАС НИКИТОВИЧ (выбегая на палубу): Швартуйся! Это моя земля. Мой город.

ШВЕЙЦАР носится по палубе, не зная, с чего начать.

АРКАДИЙ (скорее себе, чем БАРМЕНУ): Я с ним не могу показываться в городе. Он же человека заказал.

ТАРАС НИКИТОВИЧ (возвращаясь в каюту): Нет! Рано. Передумал — рано. Подпишем документы, потом... Включай караоке.

АРКАДИЙ (под случайным рассеянным взглядом ТАРАСА НИКИТОВИЧА): Песня нам строить и жить помогает!

ШВЕЙЦАР идет в соседние каюты. Приносит телевизор. Магнитола. Микрофоны. Устанавливает технику.

ШВЕЙЦАР: Что петь будете?

Все ждут выбора ТАРАСА НИКИТОВИЧА.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Мою. А там — кто, что...

ПОМОЩНИК: Мне — вашу.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Моя — это моя.

ШВЕЙЦАР тихо указывает БАРМЕНУ всем налить. БАРМЕН угощает всех, кроме хозяина.

ШВЕЙЦАР (подавая микрофон Тарасу Никитовичу): Проверьте микрофон сперва.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Сам проверь!

ПОМОЩНИК выхватывает микрофон у ШВЕЙЦАРА, бубнит две первые строчки «Выйду ночью в поле с конем. Ночкой темной тихо...»

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Заткнись! Микрофон работает.

ПОМОЩНИК: Я хотел помочь.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Ты мне не помогаешь, ты на меня работаешь. Если не приказал, значит, не лезь. (ШВЕЙЦАРУ) Заново!

ШВЕЙЦАР перезапускает песню.

На экране отображается текст песни.

ТАРАС НИКИТОВИЧ (тихо неразборчиво поет):

Выйду ночью в поле
с конем.
Ночкой темной тихо
пойдем.
Мы пойдем с конем
по полю вдвоем.
Мы пойдем с конем
по полю вдвоем.
Мы пойдем с конем
по полю вдвоем.
Мы пойдем с конем
по полю вдвоем.
Ночью в поле звезд
благодать.
В поле никого не
видать.
Только мы с конем
по полю идем.
Только мы с конем
по полю идем.
Только мы с конем
по полю идем.
Только мы с конем
по полю идем.
Сяду я верхом на
коня.
Ты вези по полю
меня,
По бескрайнему полю
моему,
По бескрайнему полю
моему.
По бескрайнему полю
моему.
По бескрайнему полю
моему.
Дай-ка я разок
посмотрю,
Где рождает поле
зарю.
Ай, брусничный цвет,
Алый да рассвет.
Али есть то место,
али его нет.
Ай, брусничный цвет,

Алый да рассвет.
Али есть то место,
али его нет.
Полюшко мое,
родники,
Дальних деревень
огоньки,
Золотая рожь да
кудрявый лён —
Я влюблен в тебя,
Россия, влюблен.
Золотая рожь да
кудрявый лён —
Я влюблен в тебя,
Россия, влюблен.
Будет добрым
год-хлебород.
Было всяко, всяко
пройдет.
Пой, златая рожь,
пой, кудрявый лён,
Пой о том, как я в
Россию влюблен.
Пой, златая рожь,
пой, кудрявый лён,
Мы идем с конем по
полю вдвоем...

Музыка заканчивается, все аплодируют хозяину яхты.

АРКАДИЙ: Вы так любите Родину? В песне слова такие патриотические.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Что споешь, Кеша? Выбирай праздничное!

АРКАДИЙ: Я не пою. Стесняюсь голоса.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Я родины тоже стесняюсь.

АРКАДИЙ: А что вы называете родиной? Свой город? Или страну в общем?

ТАРАС НИКИТОВИЧ: «Али есть то место, али его нет. Ай, брусничный цвет, Алый да рассвет. Али есть то место, али его нет». Не место это, Кеша. Родина — это папка и мамка. Вот, откуда ты, вот, откуда я. Пой!

АРКАДИЙ: Боюсь я петь, никогда не пробовал на людях.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: А ты чего боишься, меня или в песне лажануть? Говори песню.

АРКАДИЙ: Я ничего вспомнить не могу... Может, из ДДТ что-нибудь? Или из Макаревича?

ШВЕЙЦАР (включая): ДДТ есть.

Начинается музыка. Бегут по табло слова:
«Где

Родина.

Еду я на родину,

Пусть кричат — уродина,

А она нам нравится,

Хоть и не красавица,

К сволочи доверчива,

Ну, а к нам — тра-ля-ля-ля...

Боже,

сколько правды в глазах государственных шлюх!

Боже,

сколько веры в руках отставных палачей!

Ты не дай им опять закатать рукава,

Ты не дай им опять закатать рукава

Суетливых ночей».

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Ну, вступай, Кеша.

АРКАДИЙ: Очень грубый текст. А «Летели облака» нет? (Напевает) «Летели облака, Летели далеко, Как мамина рука, Как папино трико, Как рыбы-корабли, Как мысли дурака...».

Аккомпонемент «Родины» играет. На табло бегут строчки:

Черные фары у соседних ворот,

Люки, наручники, порванный рот.

Сколько раз, покотившись, моя голова

С переполненной плахи летела сюда, где

Родина. Еду я на родину,
Пусть кричат — уродина,
А она нам нравится,
Спящая красавица,
К сволочи доверчива,
Ну, а к нам...

ПОМОЩНИК (обнимая Аркадия за плечо): Давай со мной (начинает петь):
Из-под черных рубах рвется красный петух,
Из-под добрых царей льется в рты мармелад.
Никогда этот мир не вмещал в себе двух
Был нам богом отец, ну а чертом...

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Это не твоя песня. Это песня Кешы! Давай, Кеша! Не бойся.

АРКАДИЙ вступает: Родина. Еду я на родину,
Пусть кричат — уродина,
А она нам нравится,
Спящая красавица,
К сволочи доверчива,
Ну, а к нам...

ТАРАС НИКИТОВИЧ (не дослушивая проигрыша): Все. Отдохнули. Пойду.
Пойте. Мне ваши песни не мешают. Мне ничего не помешает.

ТАРАС НИКИТОВИЧ уходит.

ШВЕЙЦАР: Ты трус, Аркадий.

АРКАДИЙ: Я не трус. Я не люблю петь, мне это неинтересно.

ШВЕЙЦАР: А что же поешь? Под его дудку? Не хочешь — не пой.

АРКАДИЙ: А что плохого? Мы культурно посидели с вами.

ШВЕЙЦАР: Он свинья. Не кошерно вы с ним сидите, Аркадий.

АРКАДИЙ: Про Пастернака писали, что тот хуже свиньи: срет там, где ест.
Пишет плохо про страну, в которой живет.

БАРМЕН: Вот! И этот хуже свиньи. На всех срет!

АРКАДИЙ: Но Пастернак бессмертен...

ШВЕЙЦАР: Он свинья, потому что он зажрался.

АРКАДИЙ: А почему он зажрался? Почему у него нет насыщения, где в нем дыра, через которую все это сыпется под ноги. Не насыщает его.

ШВЕЙЦАР: Ты о нем говоришь и пишешь в программке своей хорошо, потому что ты ручной.

АРКАДИЙ: Так, и вы несвободные!

ШВЕЙЦАР: Я за кусок хлеба, а вы за масло. Мне 2 года до пенсии.

ПОМОЩНИК: А он за выпивку.

АРКАДИЙ: Я за хорошее в людях. Налейте мне, шеф не жалеет. Он, кстати, не жалеет, а вы не цените.

БАРМЕН (наливая): Он и нас не жалеет.

ПОМОЩНИК (ШВЕЙЦАРУ): Включи про коня.

ШВЕЙЦАР: Ой, не надо! Не буди зверя.

ПОМОЩНИК: Думаешь, спит уже? Он сказал, что мы не мешаем.

АРКАДИЙ (после паузы): Из ДДТ что-нибудь нормальное спой.

ПОМОЩНИК (ШВЕЙЦАРУ): Ставь.

ШВЕЙЦАР: Сам себя обслуживай. Ты не Тарас Никитович.

ПОМОЩНИК: Я его помощник.

ШВЕЙЦАР: Ты убийца.

ПОМОЩНИК машет на ШВЕЙЦАРА рукой, сам ставит песню «Белая река». Включается минусовка. АРКАДИЙ и ШВЕЙЦАР сидят расслабленно, пьют, не слушают. На табло строчки. ПОМОЩНИК, глотая некоторые из слов, поет:
«Недавно его встретил я,
Он мне родня по юности.
Смотрели, ухмылялися,
Да стукали в две рюмочки.
— Ну, как живешь? — Не спрашивай...
Всем миром правит добрая,
Хорошая, чуть вздорная,
Но мне уже не страшная...
Белая река, капли о былом.

Ах, река-рука, поведи крылом.
Я тону, и мне, в этих пустяках,
Ты — рюмка на столе, ты — небо на руках.

А помнишь эту песенку,
Что запевали с детства мы,
В подъезде да на лесенке
Стояли наши стороны.
И свет, окном разбавленный,
Был нам милее солнышка,
И ветерок отравленный
Глотали мы из горлышка.
Белая река, капли о былом.
Ах, река-рука, поведи крылом.
Я тону, и мне, в этих пустяках,
Ты — рюмка на столе, ты — небо на руках.
И к миру, где все поровну,
Судьба мела нас веником,
А мы смотрели в сторону,
И было все до фени нам...»

КОНЕЦ ПЕРВОГО ДЕЙСТВИЯ

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

На рассвете подпитый в помятой после вчерашнего дебоша форме персонал яхты тихо переговаривается между собой на палубе.

ПОМОЩНИК: Как ему сказать?

ШВЕЙЦАР: Как можно быстрее, чтобы мы крайними потом не были.

БАРМЕН: Страшно его звать. Он всегда сам зовет нас.

ПОМОЩНИК: Мы по делу.

БАРМЕН: Он нас тоже по делу зовет.

ШВЕЙЦАР: Особенно тебя.

АРКАДИЙ: А вы хотите, чтобы он в тюрьме уже узнал?

ШВЕЙЦАР: Значит, есть справедливость!

АРКАДИЙ: И нет зарплаты... Соберитесь!

ПОМОЩНИК: Тарас Никитович непобедим!

ШВЕЙЦАР: Зло наказывают! Ты сказок не читал?

ПОМОЩНИК: Сказки — это сказки. Чего их читать? Жизнь жить надо.

АРКАДИЙ: Кто-то здесь понимает, чем грозит этот документ?

БАРМЕН: Я на заочке юрфака. Но я не видел бумаг.

ШВЕЙЦАР: Видел я, как ты к парам готовишься, как, вот, он Пушкина понимает (смотря в сторону ПОМОЩНИКА).

БАРМЕН: Я буду заниматься музыкой.

ПОМОЩНИК: А че ночью молчал? У нас тут такое караоке.

АРКАДИЙ: Ладно, Василий, нам идти сейчас больше не к кому.

ПОМОЩНИК: К Тарасу Никитовичу!

ШВЕЙЦАР: Да, подожди ты!

АРКАДИЙ: Тараса Никитовича подозревают в хищении средств у дольщиков Жилищного Комплекса на сумму... что-то там много было, не помню.

ПОМОЩНИК: Более 110 миллионов рублей.

АРКАДИЙ (читая по бумажке, переданной помощником): В соответствии с ч. 4 ст. 159 УК РФ (мошенничество, совершенное группой лиц либо в особо крупном размере). Чем это грозит?

БАРМЕН: Матросская тишина.

ШВЕЙЦАР: Какая Матросская тишина? Мы не в Москве. Совсем вас там, что ли, не учат...

БАРМЕН: Ну, другое СИЗО, а потом лишение свободы лет на 10. Ну, в процессе расследования, может, что-то чужое еще привесят.

ШВЕЙЦАР: У него своего, если привесишь, то на электрический стул наберется.

АРКАДИЙ: Нет такой меры, мы прощающее христианское государство.

ШВЕЙЦАР: Нас грабят, а мы прощаем? Мне такое христианство — вот (сдергивает тонкую золотую цепочку с крестом, незаметным до под рубашкой).

БАРМЕН: Они сюда приплывут. Заберут его. Уже там допрашивать будут, как обвиняемого. Может, орден на осмотр с собой будет.

ШВЕЙЦАР: Короче, Гитлер капут!

АРКАДИЙ (смотря на небо): Вот тебе и утро 1 сентября. Понедельник...

БАРМЕН (после паузы): Это за того парня?

АРКАДИЙ: Какого парня? Он уже мужчина был. Сын в школу сегодня пошел.

ШВЕЙЦАР (тихо): Царствие ему небесное. То есть, пусть земля ему будет пухом. Тут и дня не прошло.

ПОМОЩНИК (не слушая ШВЕЙЦАРА и АРКАДИЯ): Это за землю. Кому нужен парень... труп еще не нашли.

ТАРАС НИКИТОВИЧ (голос из каюты): А двери мне откроют? Кофе сварят? Или все празднуют?

ШВЕЙЦАР открывает дверь.

АРКАДИЙ и ПОМОЩНИК заходят.

АРКАДИЙ: Праздновать нечего, Тарас Никитович...

БАРМЕН (занимая рабочее место): Американо?

ТАРАС НИКИТОВИЧ: А по-нашему спросить не можешь? Американо. Черный! (Обращаясь к Аркадию) Какие у вас проблемы?

ПОМОЩНИК: Они у нас, у всех (забирая бумажку у АРКАДИЯ, передавая ТАРАСУ НИКИТОВИЧУ).

ТАРАС НИКИТОВИЧ (отхлебывая поданный барменом кофе): Вы читать не умеете? Кеша, давай!

ПОМОЩНИК: Тут написано, что на вас дело шьют.

ТАРАС НИКИТОВИЧ, отставляя чашку, начинает читать.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Все выходите! Выходите отсюда!

ШВЕЙЦАР пропускает спешащих АРКАДИЯ и БАРМЕНА. ПОМОЩНИК переминается с ноги на ногу.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Ладно, седи.

ШВЕЙЦАР выходит сам и закрывает плотно дверь.

На палубе загорает МАРИЯ.

МАРИЯ: За что выгнал? За помятую форму?

АРКАДИЙ: Он нас не выгонял. Попросил выйти.

МАРИЯ: Слышала я, как попросил. Вы бы хоть погладили рубашки, ладно брюки...

АРКАДИЙ: Не всем идут купальные костюмы, как вам. Мы вот ходим в брючных. С ними много забот.

ШВЕЙЦАР: Что ты с ней разговариваешь? Конец им всем. И ему, и ей.

МАРИЯ: Ты того, что ли, старик?

ШВЕЙЦАР: Я с вашим мужем одного года рождения.

МАРИЯ: Что с ним? Вася, что ты им вчера налил?

БАРМЕН: Тарасу Никитовичу статью предъявили. Мошенничество в особо крупном размере.

МАРИЯ (иронично): Они только сейчас предъявили? И что?

БАРМЕН: В СИЗО Тараса Никитовича заберут.

МАРИЯ: А с яхтой что? С квартирой?

БАРМЕН: С вашими ничего. А что на хозяина записано, может, конфискуют, может, нет. Но это уже после суда.

МАРИЯ подходит к двери. ШВЕЙЦАР стоит расслабленно.

МАРИЯ: Дверь открой! И Нику собери!

ШВЕЙЦАР (открывая): Сегодня еще открою. А завтра не обещаю.

МАРИЯ (влетая в каюту): Я за разводом.

ПОМОЩНИК выскакивает из каюты.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Я не против. Но мне не до этого.

МАРИЯ: Тебе всегда не до меня.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Это секрет нашего долгого брака.

МАРИЯ: Я хочу обсудить сейчас, ты оставишь нам с дочкой квартиру?

ТАРАС НИКИТОВИЧ: И машину, и твои салоны, и продуктовую сеть, и дачу.

МАРИЯ: Не будь мелочным!

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Я перечисляю. Я все тебе отдам. Посмотри в окно — скоро город будет моим.

МАРИЯ: Не будет.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: А что ж ты сейчас уходишь, если мне конец?

МАРИЯ: Не жалко.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Меня жалеть и не надо, правильно. Я непотопляемый. Как говно, только лучше.

МАРИЯ: Не жалко уходить, посадят тебя.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: А ты клятву не давала? Ты только в богатстве жена.

МАРИЯ: А что ты можешь дать кроме денег?

ТАРАС НИКИТОВИЧ: А тебе что-то еще надо? Ты ж бесцельная. Нарядилась и до вечера дела нет... Даю я тебе развод. Все тебе даю. Уйди, ты иллюминатор загородила.

МАРИЯ выходит на палубу. Там собранная НИКА и ШВЕЙЦАР, поодаль ходит туда-сюда ПОМОЩНИК.

НИКА: Mam, а давай останемся! Красиво!

МАРИЯ: Знаешь, что такое морская болезнь?

НИКА: Это когда тошнит?

МАРИЯ: Да, вот у меня с твоим отцом рядом морская болезнь. У нас дома тоже красиво. Если все будет нормально, там останемся.

ШВЕЙЦАР (холодно): Кольцо снимете? Могу передать хозяину.

МАРИЯ: Ничего я не сниму (перекидывая его на другой палец).

ПОМОЩНИК приближается к МАРИИ, хочет что-то сказать, но проходит едва шевельнув губами мимо нее в дверь каюты.

ПОМОЩНИК: Я их всех перестреляю! Скажите кого, и я их уберу.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Ты перестреляешь, а я сяду.

ПОМОЩНИК: Не посадят вас! Вы — хозяин города!

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Я хозяин этой яхты, пока мы в ней плавали, там новые хозяева народились.

ПОМОЩНИК: Давайте сверху договоримся, а низы подожмутся. Как вы Кеше всегда говорите.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: А это сверху.

ПОМОЩНИК: Не может быть, чтоб губернатор.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: А я его заказать не могу. Это дуэль. Кто кого.

ПОМОЩНИК: Дувель?

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Дуэль. Как у Пушкина. Тогда в спину не стреляли, а сейчас можно. Все можно.

ПОМОЩНИК: А Кеша думал, вы Пушкина не знаете...

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Кеша на то и Кеша. Попугай.

ПОМОЩНИК: Может, это не он?

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Конечно, это не Кеша!

ПОМОЩНИК: Не губернатор?

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Не посмели бы без него. Зассали. Узнай, кто это.

ПОМОЩНИК: Вы же сказали, что губернатор.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Чья идея? Чья голова? Узнай. Документы к обыску не жги. Я не трус.

ПОМОЩНИК открывает дверь, чтобы выйти. ТАРАС НИКИТОВИЧ в нее подает знак. ШВЕЙЦАР медленнее, чем обычно заходит.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Собери мне новое белье, зубную щетку, носки и что там еще. И ходи быстро. Это моя яхта. А за ней — мое родное море. Я в нем еще пацаном плавал. Если не хочешь нырять, исполняй. Я, если сяду, мне год туда-сюда за тебя пофигу будет. Зато ухмылку твою рыбы сожрут.

ШВЕЙЦАР выходит на подкошенных ногах. На палубе АРКАДИЙ и БАРМЕН.

ШВЕЙЦАР: Он мне угрожает, что рыбам скормит перед задержанием. Что ему год за меня посидеть не тяжело.

БАРМЕН: За убийство от 7 до 12 дают.

АРКАДИЙ: Да, пошутил он! Тарасу Никитовичу не до тебя сейчас, выйдешь ты на пенсию.

ШВЕЙЦАР: А что это вы не на вы? Вы же интеллигент, Аркадий.

АРКАДИЙ: Кончилась комедия. Подсудимыми скоро будем.

ШВЕЙЦАР: Нет! Это он виноват, и он сядет, а мы, народ, заживем! Без этой гниды впереди у нас только хорошее!

АРКАДИЙ: А кто мне про общественный долг рассказывал? Вы не спешили свергать тирана.

БАРМЕН: Могут протянуть как соучастников. Но... можно соврать, что нас заставляли и шантажировали.

ШВЕЙЦАР: Вот! Правильно Вася говоришь! Нас заставляли и шантажировали!

АРКАДИЙ: Никто никого не принуждал. Денег хотели легких. (После паузы) Тяжело, когда тебя никто не любит.

АРКАДИЙ закуривает.

БАРМЕН: Он сам никого не любит.

АРКАДИЙ: Ну, Тарасом Никитовичем пользуются... вот, даже жена.

ШВЕЙЦАР: Он ей тоже пользовался, когда она молодая была.

АРКАДИЙ: А может, любил?

Появляется ПОМОЩНИК.

ПОМОЩНИК: Хозяин яхты запретил курить!

АРКАДИЙ: Хозяин яхты, но не меня.

АРКАДИЙ делает затяжку и под взглядом ПОМОЩНИКА выбрасывает сигарету в море.

ПОМОЩНИК (машет на него рукой, заходя в каюту к ТАРАСУ НИКИТОВИЧУ): Кому ты уперся, быть твоим хозяином! Не яхта!

ПОМОЩНИК: Можно рюмку? Волнуюсь.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Наливай.

ПОМОЩНИК: Вася!

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Сам налей. Вася нам больше не товарищ. На палубе — крысы. Крысы и попугай.

ПОМОЩНИК (оставшись сидеть без напитка): Селиванов все начал. Он наш дольщик. По судам шастал, по газетам, никто не слушал, а тут повод искали — ну, его и вытолкали на сцену. Землю заводскую Чуб хочет. Вот, он рот Селиванову открыл.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: За деньги?

ПОМОЩНИК: Селиванов идейный.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Значит, пешка. Звони Чубу, губернатору и этого Селиванова зови. Скажи, что завтра сяду, а сегодня поговорим. Передай, что в спину это не делается. Или не надо... Мы все так делаем, когда есть бабло и крыша.

ПОМОЩНИК проверяет телефон в кармане пиджака, выходит на палубу. На ней стоят бледные БАРМЕН, ШВЕЙЦАР и АРКАДИЙ.

АРКАДИЙ: Я пойду к нему... Я не знаю, что сказать.

БАРМЕН: А он не убьет тебя?

ПОМОЩНИК (преграждая путь): Не трожь Тараса Никитовича! Не трожь!

ШВЕЙЦАР: Пусти его. У нас новости. Ради Бога пусти, страшнее нет!

ПОМОЩНИК (следа за швейцаром): Ну, открывай.

ШВЕЙЦАР распахивает дверь для АРКАДИЯ и БАРМЕНА. Последним заходит сам.

АРКАДИЙ: Тарас Никитович, может, выпьем?

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Не пью, видел до чего это людей доводит. Умирают. Папка мой умер. Это хуже тюрьмы, ребята. Лучше решетка, чем могила.

БАРМЕН наливает всем кроме Тараса Никитовича, в том числе и себе.

АРКАДИЙ: Тогда я с вами выпью. Мария вашу машину взяла из гаража и не справилась с управлением.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: У нее своя есть.

АРКАДИЙ: Ей захотелось вашу.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: На кой черт?

АРКАДИЙ: Может, она дороже... не знаю, не путайте меня...

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Дороже. Но я за это рисковал, и пропотел, и перетрусился.

ШВЕЙЦАР: А водитель без вашего разрешения не сел за руль.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Молодец водитель!

АРКАДИЙ: Ника умерла. Маша не справилась с управлением.

В каюту заходит ПОМОЩНИК.

ПОМОЩНИК: Вася молодец! Вернулся в ряды, в строй (хлопает парня по плечу одобрительно, берет рюмку, пьет). Короче, Чуб трубку не брал, губернатор ерепенится, но Селиванов во такой мужик, я ему передал про спину. Он согласен сюда мотнуться со всей компанией.

БАРМЕН: Притормози.

ТАРАС НИКИТОВИЧ (отворачиваясь от лиц к иллюминатору): Кого чужая смерть останавливает, не жильцы.

ШВЕЙЦАР (ПОМОЩНИКУ тихо): Ника умерла.

ПОМОЩНИК: Отбой? Отмена на вечер?

АРКАДИЙ: Это не чужая смерть, губернатор войдет в положение...

ПОМОЩНИК: Мы извинимся.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Никогда бы она не выросла моим ребенком. Мы непохожи. Она не голодала, не пробивалась. Я похороню чужую дочь.

ШВЕЙЦАР: Но похоронить же надо...

АРКАДИЙ: У нее есть мать...

ТАРАС НИКИТОВИЧ (не слушая): Мертвые нас дождутся. Назовем жилой комплекс «Никита». Все названия не было. А как назовешь — так поплывет.

ПОМОЩНИК (обрадованно): А комплекс будет?

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Жив буду — не забуду, сделаю. (После паузы)
Подготовьте яхту к гостям.

БАРМЕН протирает стойку, намывает стаканы, расставляет бутылки.

АРКАДИЙ, ШВЕЙЦАР и ПОМОЩНИК выходят из каюты.

ШВЕЙЦАР подметает палубу. ПОМОЩНИК носится между каютой и палубой.
АРКАДИЙ стоит без дела, боясь закурить.

АРКАДИЙ: Это бы любого добило.

ШВЕЙЦАР: Непобедим.

АРКАДИЙ: Посмотрим...

ПОМОЩНИК: Кеша, чего отдыхаешь?

АРКАДИЙ: Моя работа — думать.

ПОМОЩНИК: И че думаешь?

АРКАДИЙ: Все же ужасно потерять единственного ребенка. Тарас Никитович, видимо, не понял наших слов.

ШВЕЙЦАР: Да...

ПОМОЩНИК: Хуево ты работаешь, Кеша, думка слабая. Тарас Никитович узнает, что вы его жалеете — уволит.

ШВЕЙЦАР (выливая ведро с грязной водой в море): Чем плохо? Ненавидели. А дочка умерла — пожалели.

АРКАДИЙ: На Руси жалеть значило любить. Понимаешь, как мы прониклись

ПОМОЩНИК (начиная нервно ходить): Тараса Никитовича уважайте, а не жалейте. Он не инвалид и не баба.

ШВЕЙЦАР: Он, считай, почти пенсионер... Ты мне не топчи тут.

На палубе появляются ГУБЕРНАТОР, СЕЛИВАНОВ, ЧУБ.

СЕЛИВАНОВ: Здравствуйте! (Идет к ПОМОЩНИКУ) Я вас таким и представлял. Даже с такой стрижкой. Я всю ночь думал над словами вашего помощника, я поступил некрасиво. Не судите, я не думал никогда, что за обманом стоит человек. И что у вас есть тоже чувства. Когда так обманывают, выглядит так, вроде чувств и нет.

ЧУБ улыбается сцене.

ГУБЕРНАТОР: Хватит цирка, где Тарас?

ШВЕЙЦАР открывает дверь в каюту. Остается стоять в дверях на случай приказаний.

В каюте ТАРАС НИКИТОВИЧ встает навстречу к гостям. СЕЛИВАНОВ не понимает, кто здесь хозяин. ТАРАС НИКИТОВИЧ подает руку ЧУБУ и ГУБЕРНАТОРУ. Оба ее не принимают. СЕЛИВАНОВ тянет свою, но ТАРАС НИКИТОВИЧ делает вид, что не заметил попытки.

БАРМЕН выносит фруктовую и сырную нарезки, выпивку.

ТАРАСА НИКИТОВИЧ: С нами посидят Аркадий и мой помощник, вы его все знаете (подает знак ШВЕЙЦАРУ).

ШВЕЙЦАР заводит в каюту АРКАДИЯ и ПОМОЩНИКА. Все садятся.

ТАРАС НИКИТОВИЧ (на улыбке): Ну, за что мне это?

СЕЛИВАНОВ: Я ваш дольщик. Вы знаете сами, как вы к нам отнеслись. Но я не за себя, я за других. Я молодой, заработаю. А там есть люди в возрасте, матери-одиночки.

ГУБЕРНАТОР: Ясно все, хватит.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Так давайте замнем. Я предлагаю дело: я построю квартиры для обманутых дольщиков из областного списка. Сделаем это федеральной программой. (ГУБЕРНАТОРУ) Ключи им дадите, слова скажете. Это же всем хорошо. А я из бюджета тянуть не буду. Вот, Селиванову поможем, его ребятам.

АРКАДИЙ: Прессу можно сделать очень лояльную.

ЧУБ: Это мы сами можем организовать: и построить, и ключи раздать.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Ты и не так можешь. Давай без врак — мы живем по одному. Просто фортуна на твоей стороне сегодня.

СЕЛИВАНОВ: Если честно жить, фортуна всегда на твоей стороне.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: А квартира твоя где, честный?

ГУБЕРНАТОР: На стороне Чуба — я. Это важнее, чем фортуна. Ты, Тарас, про дом хорошо придумал, но зачем тут ты? За мысль спасибо. А сделать можем сами.

ПОМОЩНИК: На Чуба тоже можно накопать.

ЧУБ: Накопашь-закопаю. Шутка. Знаю я про историю с директором завода.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Не об этом разговор.

ГУБЕРНАТОР (ПОМОЩНИКУ, но так, чтобы слышали все): Накопать можно на любого живого. Но хода я этому не дам.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Это в спину. От Чуба ожидал. (ГУБЕРНАТОРУ) От вас — нет.

ГУБЕРНАТОР: Ты сильно поднялся Тарас и забыл на чьей земле. И выборы тебе, и здание завода, и площади под строительство. Ты, вроде, мной хочешь стать. Власть любит людей поскромнее.

АРКАДИЙ: Это власть заурядная, а вы незаурядный человек. Держите с собой равных.

ЧУБ: Тарас губернатору не ровня.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Так, давайте я откажусь от выборов. Сделаю ЖК для дольщиков.

ЧУБ: В тюрьме строить не дадут.

ГУБЕРНАТОР: Я на тебя время выделил, думал, ты что-то понял. Уяснил. Но ты держишься за свою неправоту.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Так в чем моя неправота?

ГУБЕРНАТОР: Подумай!

ПОМОЩНИК: Сделаем мы этим всем квартиры. С евроокнами. Может, даже у кого метров мало, доложат рублями и больше комнаты фигакнем.

ГУБЕРНАТОР: Тарас, так в чем твоя вина?

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Вы про директора завода?

ГУБЕРНАТОР: Зазнался ты! Не волнуют меня директора. И дольщики не волнуют. Ты выше меня распрямился. А власть — это иерархия.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: А орден на арест к чему? Можем поговорить.

ГУБЕРНАТОР: А мы и говорим. Тарас, ты мне ближе Чуба. Но я тебя наказываю.

АРКАДИЙ: Господин губернатор, не надо прилюдной порки. У Тараса Никитовича дочь умерла.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Это к делу не относится.

СЕЛИВАНОВ: Мои соболезнования! Я не знал!

ГУБЕРНАТОР: Так, Тарасик, это грустно. Кто-то отомстил?

ПОМОЩНИК: ДТП.

ГУБЕРНАТОР: Это лучше, вроде нет твоей вины.

Все молчат. Аркадий ест лимоны.

ГУБЕРНАТОР: Ладно, не ко времени пришелся разговор. Давай так, я пока тебе дам зеленый свет, но если опять высоко взлетишь, упадешь насмерть.

ЧУБ: А Селиванов что?

ГУБЕРНАТОР: А Селиванову квартира.

СЕЛИВАНОВ: Я от своих освидетельствований не отказываюсь.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Ты видишь, какая ситуация?

СЕЛИВАНОВ: Мне очень жаль вашу доченьку. Я вас хочу понять и простить, но справедливость — это справедливость. Я от нее ни на шаг.

ЧУБ: Какой тут тогда разговор! Не вышло компромисса у Тараса с народом.

ГУБЕРНАТОР: Тоже верно. Тарас, давай так, дольщик согласится и я дам тебе отсрочку, посмотрю на тебя еще.

СЕЛИВАНОВ: Извините, но на махинации я не согласен. Мне еще жить с этим.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Мы все с этим живем. И живем богато. Кеш, поговори с гостем!

АРКАДИЙ выходит из каюты с СЕЛИВАНОВЫМ. ШВЕЙЦАР открывает им дверь и тихо выходит за ними.

АРКАДИЙ: Слушай, ты так не выживешь. Ты хороший парень, узнаю себя в юности. Но ты пойми, ты так никому не поможешь. В первую очередь себе. Ну, не одолеешь ты Тараса Никитовича. Сил твоих мало. Ты сделай вид, что добро со злом путаешь. Нет выбора у таких, как мы. Да, ты и подумай, что добрый человек может дать доброму человеку? Ничего. Нет у меня ничего, ничего не могу тебе дать. А Тарас Никитович может. У него большие возможности. Бери, пока дают. Может, ты потом всю жизнь будешь среди добряков, так ничего и не наживешь.

СЕЛИВАНОВ: Это нечестно.

АРКАДИЙ: Ты скажи, за квартиру не согласен. Можешь лишние метры попросить. Дадут, мне кажется...

СЕЛИВАНОВ: Не надо мне чужого! Голова кругом, я не понимаю. Я мягкий, но я честный человек. Я подпишу, но не надо мне лишних метров и всего такого.

ШВЕЙЦАР: Парень, это не чужое. Это народное. Они пограбили у тебя, у меня, пусть хоть чуток вернут.

АРКАДИЙ: Тоже верно. Торгуйся. Кто б на твоём месте отказался.

СЕЛИВАНОВ: Я все же откажусь. Я чувствую в себе силы отказаться.

АРКАДИЙ (спеша вернуться в каюту): Делай, как чувствуешь. Главное — не отказывайся от квартиры.

АРКАДИЙ вталкивает в каюту обратно СЕЛИВАНОВА. Сам садится за свой блокнот.

АРКАДИЙ (уже что-то записывая): Согласен!

СЕЛИВАНОВ: Я только по закону хочу действовать. Давайте его придерживать.

ГУБЕРНАТОР: Все законно.

АРКАДИЙ: Я тост написал!

БАРМЕН подходит к столу, чтобы долить, но у всех полные рюмки. Никто еще не притрагивался.

АРКАДИЙ: Даже скорее речь губернатора на открытие нового жилищного комплекса для обманутых дольщиков «Ника».

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Не Ника, Никита. Как отца моего. Я и Нику в его честь назвал.

АРКАДИЙ: Речь губернатора на открытие нового жилищного комплекса для обманутых дольщиков «Никита»: «Сегодня у нашего города и области большой праздник. У людей, истосковавшихся по углу, обманутых преступниками, появятся теплые чистые новые квартиры. Нам было тяжело во всем. Как найти решение проблемы? Денег, как известно, в бюджете всегда не хватает на самое необходимое. Но мы справились и, не обделив пенсионеров и льготников, спасли попавших в беду людей от бездомности. Пусть мошенники будут наказаны, а вы, дольщики, больше не ошибайтесь и живите в доме благополучно. Этот дом будет многоэтажным напоминанием всем горожанам и гостям области о том, как важно выбирать только порядочных партнеров».

ГУБЕРНАТОР (поднимая рюмку): Неплохо, вдохновенно.

АРКАДИЙ (вырывая лист блокнота, пишет на нем свой номер, отдает ГУБЕРНАТОРУ. Чокается с ним и выпивает залпом): На память!

ТАРАС НИКИТОВИЧ: А я хочу за преданность отметить своего помощника. Я перепишу на тебя яхту! Выкусите все, я — не жадный!

ПОМОЩНИК обнимает ТАРАСА НИКИТОВИЧА, но тот отодвигается. Все выпивают.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Сгоняй в город за юристом и тогда возьми девиц. Караоке отметим? Всем же хорошо?

ГУБЕРНАТОР: Ну, проставься. Для порядка.

ПОМОЩНИК встает в решительности сделать нужное.

ЧУБ (поднимается тоже): Так, я с вами, но в один конец.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Чуб, сиди. Мне больше надо, потом увидишь. Фортуна, как шальная пуля, она не дура...

ЧУБ не отвечает, прощается с ГУБЕРНАТОРОМ. ШВЕЙЦАР выпускает его и ПОМОЩНИКА на палубу.

ГУБЕРНАТОР: Давно тут не был. У тебя и подсветка теперь, и диван добротный. Кожа? Хоть покажи, что отдал. Я своей никак не займусь... На государство работать, не на себя. Сегодня ЧП, может, и завтра ЧП будет. Я бы мог диван выбирать, а тебя выручаю из тюрьмы... Запомни, Тарас, ты власть. Но малая. Не твое дело жизни лишать, застраиваться. Это мое дело. В наших общих интересах, да, в своих тебе пока рано.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Давайте экскурсию организуем! Селиванов, ты первый раз на яхте?

СЕЛИВАНОВ: Я в секции парусного спорта учился в школе. Мне очень нравилось, но там были яхты поменьше. Хотя мне ребенку они казались большими.

ГУБЕРНАТОР (смеется): Все в сравнении.

ТАРАС НИКИТОВИЧ, ГУБЕРНАТОР и СЕЛИВАНОВ выходят.

ШВЕЙЦАР, выждав, когда они далеко отойдут, садится на диван к Аркадию.

ШВЕЙЦАР: А наш Тарас Никитович еще губернатором сядет, не то что мэром.

АРКАДИЙ: Главное, что наш.

БАРМЕН: Офигеть! Яхта!

ШВЕЙЦАР: Отдал самому тупому из нас... А я столько лет потратил на службу.

БАРМЕН: А он не за ум награды раздает. Он сказал же — за верность. Я теперь его друг! Вот такой Тарас Никитович мне нравится!

АРКАДИЙ: Верными умные не бывают. Но яхту жаль, из-под носа уплыла.

ПОМОЩНИК входит в каюту с ИНГОЙ и ЕВОЙ. За ними неуверенно заходят ЮРИСТ и ЮЛЯ.

ПОМОЩНИК (Юле): Ты новенькая?

ЮЛЯ: Нет, у меня музыкальный колледж по классу джазового вокала.

ПОМОЩНИК: Располагайтесь, девчонки. Это моя яхта. Вася, налей! А где все?

БАРМЕН угощает девушек. АРКАДИЙ уступает им диван. ЮРИСТ стоит в дверях.

ШВЕЙЦАР: Смотрят твою яхту все.

ПОМОЩНИК: Зови их.

ШВЕЙЦАР: Сам зови. Я тебе в отцы гожусь.

ПОМОЩНИК: Позову! Меня не обламывает звать важных людей.

ШВЕЙЦАР: Зови, может, еще яхту дадут.

Возвращаются ТАРАС НИКИТОВИЧ, ГУБЕРНАТОР, СЕЛИВАНОВ.

ТАРАС НИКИТОВИЧ (ПОМОЩНИКУ): Селиванову и юристу организуй подписи.

ПОМОЩНИК уводит их в другую каюту.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Девчонки, давайте знакомиться. Меня вам знать, как зовут, не надо. А вас как?

ЕВА: Я Ева, это Инга и Юля.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: **Что** за имена? Юля, ты тут самая непорченная. Будешь петь со мной.

ГУБЕРНАТОР (подсаживаясь к Инге): Тарас, я здесь выбираю.

ЕВА подходит к АРКАДИЮ, чтобы не сидеть и не стоять одной.

ТАРАС НИКИТОВИЧ (ШВЕЙЦАРУ): Заводи!

ШВЕЙЦАР подключает микрофоны для караоке.

ТАРАС НИКИТОВИЧ (ГУБЕРНАТОРУ): Какую песню ставить?

ГУБЕРНАТОР: Пусть поют певицы. А мы слушаем.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Кто тут поет хорошо?

ЕВА: Мы все поющие.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Спой, Юля.

ЮЛЯ привстает, шепчет название песни ШВЕЙЦАРУ. ШВЕЙЦАР смотрит на ТАРАСА НИКИТОВИЧА. Тот кивает.

ЮЛЯ поет поставленным сильным голосом с отджазовками «С днем рождения».

На экране проносятся слова:

«Стрелки крутятся все быстрее,
Стали звёзды на год взрослей,
Лист сорвался с календаря,
Но не стоит грустить зря.
И не зря в день рождения
Собираются все друзья,
И чем больше друзей вокруг,
Тем моложе сердца стук.

С днем рождения!

Успеха, радости, везения,
Любви, желаний исполнения,
И миллион ночей и дней!
С днем рождения!
Любви до головокружения,
И чумового настроения,
И самых преданных друзей!».

В проигрыше Тарас Никитович машет ШВЕЙЦАРУ.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: С чего вы это берете? Без дней рождений. Девочки, веселее!

ЕВА направляется к микрофону. ЮЛЯ отдает его без борьбы.

ЮЛЯ (Еве): Плохо вышло?

ЕВА: Научисься.

ЕВА заказывает песню ШВЕЙЦАРУ.

ЕВА (в микрофон): Хорошего вечера нашим дорогим мужчинам!
(Поет, запыхиваясь, откровенно двигаясь).

Ты плохой, и хорошим не будешь,
Как пожар на моём пути.
Обещали мне добрые люди
Хорошего найти.

Ты плохой — говорят мне подруги.
И друзья говорят — плохой.
Но в запутанной жизненной вьюге
Мне хорошо с тобой.

240 раз ты плохой.
240 раз расставалась с тобой.
240 раз я скажу,
Что ухожу.

БАРМЕН подливает ГУБЕРНАТОРУ и АРКАДИЮ.

ЕВА (продолжая): 240 раз я прошу.
240 раз я тебя отпущу.
240 раз ты плохой,
Только ты мой.

ЮЛЯ, скромно сидя, подпевает ЕВЕ в местах, где та не вытягивает.

ЕВА (продолжая):
Не смотри на меня так печально.
Я ни в чём не виню тебя.
У любви свои нежные тайны.
Она всему судья.

Даже если плохой, ну так что же,
Ты один мне необходим.
Очень тошно бывает с хорошим
И хорошо с плохим.

240 раз ты плохой.
240 раз расставалась с тобой.
240 раз я скажу,

Что ухожу»

Возвращается ПОМОЩНИК, ЮРИСТ и СЕЛИВАНОВ.

СЕЛИВАНОВ (пытаясь перекричать музыку): Можно мне домой? Извините, я здесь лишний.

ЕВА кладет руку ему на плечо, танцует вокруг.

СЕЛИВАНОВ: Я обратно. Я от вас ничего не хочу.

ТАРАС НИКИТОВИЧ подает знак ШВЕЙЦАРУ. ШВЕЙЦАР выключает песню на полуслове. ЕВА продолжает стоять с микрофоном.

ГУБЕРНАТОР: Селиванов отдохни, дело сделано.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Отдохни, а я спою! (ШВЕЙЦАРУ) Мою давай!

ТАРАС НИКИТОВИЧ встает. Начинается минусовка. Текст плывет по экрану.

ТАРАС НИКИТОВИЧ вступает:

Выйду ночью в поле
с конем.

Ночкой темной тихо
пойдем.

Мы пойдем с конем
по полю вдвоем.

ЮЛЯ строит второй голос.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Не порть. Это моя песня, для одного. Сначала.

ТАРАС НИКИТОВИЧ:

Выйду ночью в поле
с конем.

Ночкой темной тихо
пойдем.

Мы пойдем с конем
по полю вдвоем.

Мы пойдем с конем
по полю вдвоем.

Мы пойдем с конем
по полю вдвоем.

Мы пойдем с конем
по полю вдвоем.

Ночью в поле звезд

благодать.
В поле никого не
видать.
Только мы с конем
по полю идем.
Только мы с конем
по полю идем.
Только мы с конем
по полю идем.
Только мы с конем
по полю идем.
Сяду я верхом на
коня.
Ты вези по полю
меня,
По бескрайнему полю
моему,
По бескрайнему полю
моему.
По бескрайнему полю
моему,
По бескрайнему полю
моему.
Дай-ка я разок...

ТАРАС НИКИТОВИЧ, не угадывая слова, бубнит. На экране мечутся буквы:
«посмотрю,
Где рождает поле
зарю.
Ай, брусничный цвет...».

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Я, что-то, забываю все.

ПОМОЩНИК: Тут написано.

АРКАДИЙ: Подсматривайте, всего не упомнишь.

ТАРАС НИКИТОВИЧ (громко): Останови!

ТАРАС НИКИТОВИЧ тихо проговаривает текст с начала.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Еще давай! Три раза повтори.

ШВЕЙЦАР включает.

ТАРАС НИКИТОВИЧ поет куплет. Садится рядом с Селивановым. Музыка звучит. Слова отображаются.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Я забыл слова отцовской песни...

СЕЛИВАНОВ: Вы вспомните, вспомните слова...

АРКАДИЙ (слушая в полуха): Много песен, всех не запомишь.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Вы все чужие, а наши с батей минуты святое. Святое из башки вышло.

ТАРАС НИКИТОВИЧ: Я сейчас. (ШВЕЙЦАРУ) Через 10 минут мою врубай. (Выходя в каюты) Приплыли.

ГУБЕРНАТОР что-то шепчет ИНГЕ.

ИНГА выходит петь, определяется с треком.

ИНГА (поет без интереса в эффектной позе):

Ты музыка, которая на радио.
Ты добрый гений чистого листа.
Ты деньги, что я раньше не потратила
И больше не потрачу никогда.

Прошлого нет, ты под запретом.
Благодарю тебя за это.

Good morning, папа, в нашей песне только паузы!
Good morning, папа, в нашей песне только паузы!
Good morning, папа, в нашей песне только паузы!
Good morning, папа, в нашей песне только паузы!

ГУБЕРНАТОР встает, уменьшает звук. БАРМЕН доликает ему выпивку. ИНГА поет, как пела. Без эмоций.

На экране озвучиваемое ИНГОЙ:

«Ты первое заученное правило,
Проверенное опытным путем
Ты прошлое, что я себе оставила.
Ты будущее, только не мое.

Прошлого нет, ты под запретом
Благодарю тебя за это».

ЕВА (забирая микрофон): Мальчики, не грустим. Инга, Юля, танцуем! (Поет весело, наигранно).

Мы отложим в сторонку дела,
И давай с тобой напропалую.
Окунемся, была-не была,
В ресторанную жизнь удалую.
Ты меня пригласи в ресторан,
Я надену все лучшее сразу,
И веселые песни цыган
Для меня зазвучат по заказу.

А в ресторане, а в ресторане,
А там гитары, а там цыгане.
И что душа захочет, выбирай,
И где-то здесь начинается рай.

ИНГА слегка дрыгается с бокалом. ГУБЕРНАТОР не устраниется.
СЕЛИВАНОВ и АРКАДИЙ держатся подальше. ЮЛЯ сидит смирно.
ПОМОЩНИК поет не в такт. ЮРИСТ хлопает.

ЮЛЯ: Извините, а где уборная.

ШВЕЙЦАР: В дверь и по коридору до конца, а там направо.

ЮЛЯ, стесняясь сама себя, выходит.

ШВЕЙЦАР останавливает трек. Ставит песню «Любе».

Истошный крик ЮЛИ.

ПОМОЩНИК (Еве): А чего подружка кричит?

ЕВА: Новенькая. Привыкнет.

ГУБЕРНАТОР: Песня надоела. Есть что получше?

ЮЛЯ вбегает в каюту: Там мужчина в крови!

ГУБЕРНАТОР: Яхта с сюрпризом.

ПОМОЩНИК быстрым шагом уходит.

СЕЛИВАНОВ: Я помогу, вот, для чего остался.

АРКАДИЙ: Тост! За то, что нам ничто не испортит праздник! Никакой мужчина!

Инга и Ева смеются, ГУБЕРНАТОР чокается с АРКАДИЕМ. Пьют.

ПОМОЩНИК возвращается, СЕЛИВАНОВ с ним.

ПОМОЩНИК (плача навзрыд): Тарас Никитович застрелился!

ГУБЕРНАТОР: Ты что говоришь? Я ему не разрешал! Я на него поставил!

АРКАДИЙ: Песню смени.

ШВЕЙЦАР: За нее мне заплатили.

ИНГА (опираясь на плечо ГУБЕРНАТОРА): Стрельнулся, кто тебе заплатил. Мы живые, и хотим другую музыку.

ШВЕЙЦАР: Кто платит, тот музыку и заказывает. А мертвый или нет, это не учитывается.

ЕВА: А кто нам заплатит? Он же вызывал. Мальчики, все по первичной цене.

АРКАДИЙ: Все в выигрыше, кто с яхтой, кто с квартирой. Один я интеллигент.

ГУБЕРНАТОР: Я же сказал, не посажу. Что он сделал? (ЮРИСТУ) ЗадOCUMENTИРУЙТЕ, чтобы без слухов. Меня здесь не было. Убился.

ЮРИСТ: Я не медик. Я не могу причину смерти установить.

ПОМОЩНИК: Пуля!

ГУБЕРНАТОР: Слушай меня, документируй. Мы уже установили причину. Убился, потому что в тюрьму не хотел.

ПОМОЩНИК: Это не так! Он бы не сел, он непобедимый.

СЕЛИВАНОВ: Он песню забыл. Его папа ее пел, когда выпивал. Если я все правильно понял. Я уже и не знаю, понял ли я что-то сегодня правильно.

ГУБЕРНАТОР (ЮРИСТУ): Ты записал? Не хотел в тюрьму. Не вам меня правде учить. (Застегивая пиджак, поправляясь) Слабак. Сами тут решайте. Меня здесь не было. У меня каждый день ЧП. Жаль, очень жаль. Я поставил не на ту лошадь. Но это проблема лошади. Провожайте меня ребята. (АРКАДИЮ) Наберу!

ШВЕЙЦАР открывает и закрывает дверь за ГУБЕРНАТОРОМ. ПОМОЩНИК плачет. ЮРИСТ в страхе пишет.

БАРМЕН: Убивал, обкрадывал, центр застраивал — не стрелялся. Забыл песенку и убится.

СЕЛИВАНОВ: Как так о мертвом можно! Ну человек же он.

ШВЕЙЦАР: И ты человек, а он с тобой и не так.

СЕЛИВАНОВ: Что я за человек? Если у меня теперь будет квартира.

АРКАДИЙ: Вот теперь не будет.

СЕЛИВАНОВ: Ну, не будет, а согласие я дал, согласие было.

АРКАДИЙ: Кого оно без квартиры волнует?

СЕЛИВАНОВ: Что я за человек после этого собрания?

ЮРИСТ: Дважды обманутый дольщик.

ЕВА: Мальчики, нас обманывать нельзя. У нас крыша есть, заплатите и дальше попоем.

ПОМОЩНИК: Нечем платить.

ШВЕЙЦАР: Вы все способствовали! Вы не боролись, вы подстраивались, жопу ему лизали, лебезили. Надо было с ним бороться! Он был слаб! Он сам ушел. Мог уйти раньше, а мы терпели.. боялись руку на него поднять.

АРКАДИЙ: А слабого надо бить?

БАРМЕН: Он бил, он слабых бил!

АРКАДИЙ: А с чего вы взяли, что они были слабые? Они сами не стрелялись.

ПОМОЩНИК: Построим его ЖК. Назовем «Тарасом».

СЕЛИВАНОВ: Он просил «Никитой».

ПОМОЩНИК: Теперь «Тарасом», в честь Тараса Никитовича.

АРКАДИЙ (закуривая в каюте): Зло имеет свою нечеловеческую логику, оно уходит тогда когда оно посчитает нужным уйти. Оно не ждет и не боится ваших

палок в колесах. Его смерть дочери не пошатнула. Вы не знаете, что будет той кощевой иглой, что выйдет из человека вместе со злом и жизнью.

ПОМОЩНИК: Курить нельзя.

АРКАДИЙ: А я новой власти не принимаю...

ПОМОЩНИК не возражает. ЮРИСТ пишет. БАРМЕН сам пьет.

ЕВА демонстративно встает (ПОМОЩНИКУ): Ты хозяин яхты, сделай что-нибудь!

ПОМОЩНИК: Хозяин умер, я его помощник.

По кругу играет минусовка. На экране циклично повторяются слова песни группы Любэ. Каждый занят своим делом. Никто не меняет положения ни своего тела, ни вещей.